

ISSN 1392–8295



mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2011 Nr. 19 (24)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 19 (24)

MOKSLINIS TĘSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio humanitarinių ir gamtos mokslų universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.)

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Wydział Humanistyczny Filia Uniwersytetu Wileńskiego w Kownie i Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and Jan Kochanowski University of Humanities and Natural Sciences Faculty of Humanities in Kielce

Įregistruotas tarptautinėse duomenų bazėse / Indeksowane w międzynarodowych bazach danych / Abstracted and indexed by the international databases:

Balkan Rusistics (2004) http://www.russian.slavica.org	Russian Language, Literature and Cultural Studies
CEEOL (2005) http://www.ceeol.com	Central and Eastern European Online Library
EBSCO (2006) http://www.ebsco.com	Humanities International Complete Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007) http://www.mla.org/	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008) http://www.indexcopernicus.com	Index Copernicus

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, Kaunas LT-44280, Lietuva

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Scientific editors

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / the Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / the Polish language)
Živilė Nemickienė (anglų kalba / język angielski / the English language)
Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / the Russian language)

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

ISSN 1392-8295

© Vilniaus universitetas, 2011

© Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2011

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КРИВЫЕ

ГРИНБАУМ, О. Н., 2010. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья: Учеб. пособие. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ. 232 с. ISBN 978-5-288-05069-5

Юрий В. Шатин

(Lietuva / Litwa)

В свое время Лейбниц определил искусство как духовную деятельность, бессознательно оперирующую числами. Не менее важной оказывается и другая часть подразумеваемого определения: в какой мере сознательное оперирование числами открывает перед нами тайну искусства, можно ли в кривых линиях графиков и алгебраических формулах выразить невыразимо спрятанное в стихотворных строках? Ответить на этот вопрос помогает книга профессора Санкт-Петербургского университета О. Н. Гринбаума «Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий». В ней автор на материале первых трех глав стихотворного романа выявляет связь ритма и смысла.

После гениальной книги Андрея Белого «Символизм», положившей начало научному изучению стиха, остро встал вопрос о содержательном наполнении описанных вариаций четырехстопного ямба. Владислав Ходасевич, определивший открытие Белого как новый закон Архимеда, тем не менее «начал настаивать на необходимости изучения ритмического содержания вести не иначе,

как в связи с содержанием смысловым. Внесмысловая ритмика, – замечал поэт, – мне казалась ложным и вредным делом». Итогом многолетних споров и размышлений двух деятелей культуры стала новая книга Белого «Ритм как диалектика и «Медный всадник», которая вызвала неоднозначную реакцию академического стиховедения прежде всего потому, что в ней впервые через счисление повторов и контрастов была обнаружена связь ритма с двумя тематическими группами пушкинской поэмы: темой Петра и темой Евгения. Эта корреляция дала поэту и исследователю заключить, что ритмическая «кривая не есть каприз, случай, а аналогон содержания».

К сожалению, на протяжении 80 лет после выхода книги «Ритм как диалектика» проблема связи ритма и содержания упорно игнорировалась большинством стиховедов. Именно поэтому выход книги петербургского исследователя следует приветствовать как начало перемен, открывающее перед стиховедением XXI века новые перспективы. В своем научном труде О. Н. Гринбаум формулирует

комплексное понимание ритма, включающее «философско-феноменологические и эстетико-формальные основания конструктивного принципа русского классического стиха и его конкретную реализацию в стихах Пушкина» (с. 9). Подобное понимание выходит за рамки традиционного стиховедения и требует для оценки привлечения специалистов иных областей знания, в частности, математиков и экспериментальных психологов. Не будучи здесь знатоком, я сосредоточусь лишь на одном аспекте работы, который мне представляется самым важным: на аспекте стиховедческом. Сразу хочу отметить, что автором книги сделано многое как в плане теории стиха, так и в конкретных разработках, расширяющих границы понимания пушкинского текста.

Теоретическое значение исследования О. Н. Гринбаума отвечает общей тенденции современного стиховедения, сместившего акценты с изучения общих свойств русского стиха на обнаружение закономерностей в каждом отдельно взятом тексте. Впечатляющие достижения К. Ф. Тарановского, А. Н. Колмогорова, М. Л. Гаспарова, выявили общие теоретико-вероятностные законы стиха, его отличия от прозы, этапы развития, но оказались мало применимы к пониманию конкретных поэтических феноменов. Как известно, любой феномен заключает в себе две противоположности – универсальность и уникальность. Понимание универсальных законов искусства является необходимым, но недостаточным условием для эстетической оценки. Гениальность поэта начинается как раз с преодоления универсальных черт и создания уникальных словесных образований. Как в свое время удачно

пошутил Сальвадор Дали, статья гениальным художником очень просто: сначала надо научиться рисовать как Леонардо да Винчи, а потом рисовать как хочется. Разумеется, второе немислимо без первого, но и первое без второго обрекло бы нас на бесконечное повторение пройденного.

В этой связи представляется абсолютно верным один из основных постулатов книги О. Н. Гринбаума, противопоставляющий статистическому методу в современном стиховедении «метод динамический (гармонический), опирающийся в своих основах на принцип «золотого сечения» как на универсальный закон художественной формы. Динамические свойства этого закона в его векторно-геометрическом и алгебраическом представлениях позволяют преодолеть статический (статистический) исследовательский стереотип и распространить поиск применимости принципа «золотого сечения» к объектам эстетической природы, в том числе к поэтическим текстам».

Парадокс, однако, заключается в том, что вопрос об универсальности и уникальности «золотого сечения» остается до сих пор открытым. Его абсолютная правота оказывается несомненной в пределах пушкинской поэтики и становится дискуссионной как только мы покидаем ее чертоги. Весьма вероятно, что творчество Пушкина в целом представляет собой максимальное приближение к гармоническому идеалу, точно так же как все, что было «до» и «после», можно определить как отдаление в разной степени от этого принципа. Ведь закон «золотого сечения» играет основополагающую роль не только в поэзии, но и в прозе мастера. В каждой из Повестей

Белкина» как раз на точку 1,618... приходится резкий поворот сюжета, после которого действие начинает развиваться в противоположном направлении. Насколько последующая поэзия и проза отделились от этого принципа – часть более общей проблемы, связанной с переходом русской словесности от изящной к натуральной форме.

Таким образом, если с точки зрения теоретического стиховедения работа О. Н. Гринбаума скорее очерчивает границы будущих исследований, чем создает завершенную, непротиворечивую систему, то в контексте конкретных пушкиноведческих изысканий ее плоды оказываются весьма обильными и чрезвычайно интересными. Весьма конструктивным представляется подход «поглавного» анализа «Евгения Онегина». Современники Пушкина и последующие поколения не могли одинаково воспринимать текст стихотворного романа по той простой причине, что, начиная с середины 1830-х, читатель получал «Евгения Онегина» целиком, тогда как читатели предшествующего поколения двигались от главы к главе, не зная дальнейшего развития, поскольку временные промежутки между главами могли измеряться годами. Язык романа оказывался в двух измерениях, диахронии и синхронии, если воспользоваться терминами Ф. де Соссюра, и, следовательно, требовал двух различных систем описания. Отсюда и происходит важный для современной пушкинистики тезис, согласно которому «появившиеся позже новые главы романа несколько изменяют наше прежнее восприятие уже прочитанных текстов, что в части ретроспективного анализа экспрессивно-гармонической составля-

ющей стиха и его ритмо-смысла может внести ряд неоправданных искажений в общую картину динамического развития пушкинского романа».

Диалектика ритмо-смысловых отношений позволила О. Н. Гринбауму рассмотреть холономный характер романа. Подобно тому, как клетка живого организма несет, помимо информации о себе, сообщение о природе всего организма, так и начальные строфы «Евгения Онегина» содержат в себе основные риторико-стилистические приемы: внутренний монолог, речь автора, прямое обращение к читателю, отступление и авторскую оценку. По сути, Пушкин сразу же выявляет парадигму речевых средств, которая в своем синтагматическом развертывании и обуславливает магический кристалл свободного романа.

Не менее важным оказывается раздел о ритмико-экспрессивных ореолах «Евгения Онегина», где ритм понимается как средство, которое «формирует в читателе смену ощущений, лежащую в основе субъективного времени проживаемой им жизни» (с. 80). В свою очередь сама смена ощущений благодаря ритму может становится объектом определенных измерительных процедур, позволяющих выявить спектр различных состояний и связать их с развитием сюжета.

Несомненно, многие пушкинисты возьмут на вооружение весьма интересные наблюдения о связи ритма «Евгения Онегина» с сюжетной метафорой в романе. В свое время известный античник и мифолог О. М. Фрейденберг определила сюжет как систему развернутых в словесное действие метафор. Продолжая и модифицируя подход исследовательницы, О. Н. Гринбаум предлагает (вслед

за Э. Лассан) несколько иной вариант решения – «вычленение слов-ключей, вскрывающих собственно когнитивные состояния субъектов дискурса, включающие как его рациональные знания, так и подлинные предпочтения, намерения, верования» (с. 109). Такие слова-ключи во многом определяют точки бифуркации «Евгения Онегина», где в наибольшей степени совершается тот энергичный обмен между текстом и читателем, о котором в свое время писал П. А. Флоренский.

Наконец, в книге О. Н. Гринбаума вы без труда найдете много частных наблюдений, не только обогащающих понимание пушкинского романа, но и наглядно демонстрирующих преимущества предлагаемой ученым методологии. Наиболее яркий пример подобной демонстрации – рассмотрение двух вариантов «Песни девушек» из третьей главы. Как известно, современное стиховедение стремится избежать анализа «инометрических» вкраплений в основной текст, ограничиваясь лишь констатацией этого явления. Исследователь

же не только вскрывает механизм вписывания трехстопного хорея с дактилической клаузулой, но и восстанавливает пушкинскую логику замены чернового варианта с «трагическим сюжетом» на канонический со счастливым любовным финалом, который «психологически точно завершает всю третью главу на высокой гармонической, но экспрессивно слабо обозначенной ноте».

Итак, особое построение труда О. Н. Гринбаума, существующего как «оконченность в форме неоконченности», сулит соблазнительные возможности новых интерпретаций последующих глав романа. Нет сомнений, что достоинства принятого автором подхода будут звучать в них еще более весомо, возможно, без обильного (иногда чрезмерно обильного) цитирования предшественников. Пушкинский фон прописан в этой книге более чем достаточно, а ритмико-смысловые фигуры, временами прячущиеся за собранием пестрой коллекции иных мнений, надеюсь, окончательно убедят скептиков в научной правоте автора.